

За столом, где собиралась обычно вся семья, сидят сейчас только двое. Лидия Васильевна и Яков Васильевич Большаковы.

Перед ними письма, которые писал их Вася, жена его, Оля, его сын Сережа. Родители еще и еще раз перебирают ворох бумаг, вглядываются в фотографии. Вот он в форме чиника, мальчишка еще совсем, а вот уже мичман с медалью на груди, потом вместе с женой... И еще две — в день последнего отъезда из своего дома он взял с собой Сережу, сходили в фотоателье. Цветная. А на этой глядит их Вася с гранитного обелиска, а сослуживцы цветы воз-

лагают. (последних два снимка публикуются сегодня на второй странице газеты).

Родители вспоминают своего сына.

Может быть, то, как он шагнул первый раз к половицам? Как волновались они, когда он впервые топор в руки взял — не обрубился бы, впервые на велосипеде поехав, — не разбился бы? Как радовались, когда первый раз сын взрослое суждение высказал? Как в армию провожали? Может казнят себя за то, что когда-то давно обидели его понапрасну?

Не будем мешать их мыслям. Поклонимся их родительской любви, их нескончаемой скорби,

ибо что может быть горше чувства родителей, которым пришлось хоронить своих...

Орден Красной Звезды и медаль «За безупречную службу», которую успел получить сам Василий, хранятся у Ольги. Посмертные его награды: афганскую медаль, Знак «Воину-интернационалисту» и Грамоту, подписанную самим Горбачевым. Лидия Васильевна убрала в шкаф, чтобы на глаза не попадались — «как увижу — слезы у меня...»

Поклонимся и скажем спасибо родителям за то, что вырастили они достойного сына, который, избрав военную профессию, до конца выполнил свой солдатский долг.

А год назад, 16 февраля, центральные газеты вылили с крупными заголовками на первых полосах: «Вывод советских войск из Афганистана полностью завершен.»

На следующий день было опубликовано Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, в котором мы читали «Родина мать... склоняет голову перед памятью павших, скорбит вместе с их близкими, родными, друзьями. В памяти советского народа навечно останутся подвиги и имена... Наш священный долг окружить неустанной заботой и вниманием семьи погибших, инвалидов и раненых.»

... На замыкавшем последнюю колонну советских войск БТР по мосту через Амударью, связывающему нашу страну и Афганистан, проехал командующий армией Герой Советского Союза генерал-лейтенант Громов.

А за пять лет до этого события прапорщик Большаков перешел границу Родины в «черном пламене», как называли самоубийц, выполнявший скорбную миссию по доставке тел погибших в Афганистане...

... Снимки остались, письма да награды посмертные в шкафу.

(окончание на 2 стр.)

(Окончание. Начало на 1 стр.)

Последний раз он был в родительском доме осенью 1982 года.

Матери врезалось в сердце прощание перед отъездом. Прежде, чем сесть в машинку, обнял крепко прижал к себе, даже ноги ее, вспоминает, от земли оторвались, целовал и говорил:

— Мама, приезжай к нам в Вознесенск. На севере у нас ты не была, а в Вознесенск приезжай. Обязательно приезжай.

Неужели сердце чуяло, что не увидятся они больше?

ДЕРЕВНЯ Долматово. Емельяновского сельсовета.

Обычная деревня российского Нечерноземья, в которую до недавнего времени и добраться было непросто. События семьи Большаковых.

Яков Васильевич в Великую Отечественную дошел до Берлина, потом с боевыми товарищами на Дальний Восток был направлен, но пришел их воинский эшелон в Свердловск, и там узнали они вест о том, что война с Японией закончилась.

Лидия Васильевна в эти годы трактористкой была, больше всех в районе среди женщин механизаторов на пару с сестрой пашни поднимали. На северном комбайне четыре года хлеба убирала. А потом в том же колхозе и дояркой работала, и свиначкой, овец кормила, в полеводстве трудилась.

Бабушка. Шестеро детей. Вася — третий из них. В таких семьях первой заповедью бывает: жить дружно и работать, не ленясь. И у Большаковых так было. Никто из ребят в детстве ничем особенным не выделялся. По дому помогали, за младшими присматривали. Летом в Югу, что неподалеку от деревни протекает, купались. В лес ходили. В хороший год столько грибов домой приносили, что мать порой, ругалась даже: «Куда с ними? Надоело сушить!» «А мы сами» — следовал ребячий ответ.

Вот только бабушка из всех ребят с самого раннего возраста почему-то именно Васю выделяла.

— Катерина, — спрашивали ее, — чего это ты Васю-то больше всех голубишь? Вот у тебя сколько внуков-то еще!

— Добрый он у меня растет. Люблю его, — отвечала.

Потом, когда она заболела, именно Вася ухаживал за ней особенно внимательно: с кровати поднимет, к столу обеденному дойти поможет. И назад тоже он. Вася любимый Катерины внучек.

— **КАК** сейчас его вижу: сидит за последней партой у окна. Один из самых высоких в классе, — вспоминает его классный руководитель Валентина Ивановна Гоглева, учитель Емельяновской школы, — всегда спокойный, выдержанный, вежливый. На переменах мог, конечно, и побегать, пошалить.

Особыми способностями, надо сказать, не выделялся. Но ничего плохого моя память о Васе не хранит.

— Учился по-среднему. Чего не было — того не было, — говорит отец, — Николай и Юлия — эти лучше шли. Да и мы, честно говоря, особого внимания на их учебу не обращали.

Ведь он домой после школы придет и сразу: «Папа, а мама где?» Да вон, отвечаю, в поле за деревней работают сегодня. Он сумку школьную кладет и — за порог.

— А я его уж издавна замечу, — продолжает Лидия Васильевна, — рослый был, крепкий. Подбежит: «Ну-ка, мама, давай домой, у тебя ведь работы-то сколько!» Меня отправит, а сам останется и работает наравне со взрослыми.

Колхозный бригадир в летнюю страдную пору свой утренний разговор с Большаковыми начинал всегда примерно одинаково: «Велику ли бригаду сегодня на сенокос пошлешь, Яков Васильевич?» Хозяин смотрел на жену, а потом отвечал: «Да эти двое пускай дома остаются, а остальных забирай».

Зной на покосе. Солнце жалит в голубом небе. Давно уже утренняя роса высохла, овод гудит, в глаза лезет. Но работают еще косари, хоть и рубахи уже потемнели от пота, к натруженным спинам прилипли. А пот еще и в глаза стекает, щиплет. А Василий — как будто только косу в руки взял, как будто просто шагает по лугу — не устал совсем. Смеется даже над теми, кто отстают. Ох и здоров парены! Первый косарь среди долматовской молодежи!

ПОСЛЕ школы решил в речное училище поступать. Что его туда толкнуло? Флотских в семье не было. Может рассказов старших товарищей наслушался — «нынче здесь

могли возразить, не стали на своем настаивать — взрослый уж, пусть сам решает.

И он решил. После окончания школы мичманов приказом направили снова на Новую Землю. Поехал уже с двумя звездочками, расположенными вдоль черного погона. Там вскоре и с Олей познакомился, которую призвала на Крайний Север из теплой Херсонщины также военная служба.

И была свадьба. И в Долматово приехали молодые. И мать Ольги шепнула Лидии Васильевне: «Гляди-ка, сватья, какие хорошие деточки у нас с тобой!» Они и впрямь были хороши — рослые, статные, веселые. И

тыре года шла «спрятанная война». Направляли «для оказания международной помощи» то одного, то другого сослуживца. Знал Василий, что и стреляют там не понарошку, и потеряешь. Думал ли о том, что и ему придется выполнять суровый приказ?

Из письма Ольги в Долматово:

«Мы надеемся, что Вася вам же сообщил о новом месте службы. Нам, как гром среди ясного неба Васино перемещение, так что и это надо пережить, а ведь нелегко. Как-то все неожиданно».

снег. Во время праздника считается необходимым обязательно поработать на земле. На свои участки выходят земледельцы, высаживают деревья.

В марте в местах около Кабула бывает удивительной синевы небо. Бушует настоящая весна. Как у нас в мае. Буйно цветет дерево, напоминающее нашу яблоню. А в полях и прямо около пыльных афганских дорог пламенеют тюльпаны, которые считаются здесь сорняками.

С самолета внизу можно увидеть красные, синие с оттенками этих цветов горы. И трудно поверить, что среди этой яркой под синим небом весны гуляет смерть.

Может быть, только лютый ветер «афганец», налетающий несколько раз в день и несущий с гор тучи пыли, напоминает о том, что красота этих мест может стать порой и злобещей?

23 МАРТА 1984 года. По пыльной дороге, ведущей к Кабулу, мимо гор развалин кишлаков в низинах, двигалась автоколонна. Пыль из-под колес впереди идущего транспорта закрывала голубое афганское небо.

В кабине автомашины, шедшей в Кабул, мимо гор и — строго по инструкции — не закреплено, на боевом взводе. Думали ли они о возможном нападении на колонну? Вспоминали ли о своих близких, оставшихся далеко за синими горами? Молчали? Разговаривали?

На впереди идущих машинах опасности не заметили. А колонну ждали. И ударили из гранатометов вначале по ее голове и хвосту. Машины вспыхнули. Прапорщик Большаков, сидевший крайним у правой дверки, выкатился из кабины первым и открыл ответный огонь из своего автомата.

А с заранее подготовленных позиций били прицельно, и пять душманских пуль остановили сердце высокого светловолосого русского парня. Василий встретил смерть по-солдатски — в бою, с оружием в руках.

... 1 апреля днем Лидии Васильевне понадобилось зачем-то сходить в баню. Когда возвращалась, ее окликнула почтальонка.

Прочитав телеграмму, мать без сил повалилась в снег.

Дома ее привела соседка...

Он похоронен в далеком от Долматова Вознесенске, Николаевской области. Рассказывают, что почти весь город вышел на улицы, чтобы проводить солдата в его последний путь.

А в старый дом Якова Васильевича и Лидии Васильевны Большаковых приходят сейчас письма, написанные нетвердым еще детским почерком. Внук пишет, Сережа.

Крепким парнем растет, добрым. В отца.

В. НАВОЛОЦКИЙ

Под небом голубым

завтра там? Может быть, во время весенней навигации по Югу, когда пыхтят вверх по течению в Никольск буксиры и самоходки, а обратно — прямо летят налегке, и волны после них в глинистый берег бьют, прямо как морские, может быть, тогда решение созрело?

Так или иначе — поступил в Великоустюгское профтехучилище речников по специальности слесарь-судоремонтник. Ездил мать в Устюг, спрашивала у мастера, как, мол, тут у вас Василий занимается? Нормально, услышала в ответ, если есть у тебя еще сыновья и все такие, то посылайте к нам.

Во время двух навигаций ходил по архангельской реке Мезени. Лешунокск часто вспоминал. Нравилась ему профессия речника. — А ему все везде, вроде, хорошо было, — вспоминает Яков Васильевич, — не ленился, не спорил, не дрался даже, только усмехался ходил, если не все ладно что-то у него складывалось. Призыв в Военно-Морской флот. Служил на Новой Земле. Письма домой приходили спокойные, бодрые. С таким характером военную форму носить не в тягость. А когда срок службы уже к концу близился, родители получили письмо, где сын просил совета: командование предлагало поехать в школу мичманов и остаться на сверхсрочную службу.

Что могли ответить ему отец с матерью? Хотелось, чтобы домой вернулся, но по тону письма увидели, что есть желание у Василия стать профессиональным военным человеком. Не

молодым, наверное, казалось,

что их счастьем конца не будет — ласковы, внимательны друг к другу были.

... Каждый год приезжал теперь Василий в отпуск в родное Долматово. Чем занимался? Как и повелось — работой крестьянской, все больше с топором в руках: дрова заготовить ли, баньку ли новую срубить, соседке старушке одинокой по хозяйству помочь, — везде старался успеть. Прежним остался — добрым, работающим.

Пришло время, и сына Сережку привез. Любил его без меры. Все свободное время с ним возился. Пришлось однажды оставить малыша у деда с бабушкой, а самому на службу вернуться, и в первом же письме родителям написал:

«Вот уехал от вас, а кажется, что Сережа и до сих пор сидит у меня на руках и обнимает меня...»

На службе дела шли неплохо. Опять письмо с Новой Земли:

«Папа, можешь меня поздравить, наградили медалью «За безупречную службу» III степени. А я, в свою очередь, поздравляю тебя с Днем Советской Армии.»

А потом последовал перевод по службе в Николаевскую область. С холодного Баренца на берега теплого Южного Буга. Семья пополнилась, родилась дочка, которую назвали Яной, тихим ласковым именем. Продолжались ратные будни: теперь уже прапорщика Большакова. И как-то приближался вдруг Афганистан, где уже че-

Поговаривали, что в Афганистан будут отправлять по прямой замене, но мы думали, что нас это не коснется, так как выслуги у него много, двое детей, причем дочка — до одного года, но...

22 февраля вызвали в штаб. 23 февраля в 11 часов дня приехал домой, а в пять вечера — с вещами в Одессу, т. к. 24-го — самолет на Ташкент.

Вот так и остались мы одни. Сейчас идет программа «Время», и показывают про Афганистан».

РАССКАЗЫВАЮТ что март в этой стране — месяц особый. 21-го отмечается новогодний праздник «ноуруз». Где-то около этого времени наступают резкое потепление. Сходит

